

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Rajneesh Chandra Mohan Jain (Dec 11, 1931 – Jan 19, 1990),
also known as Acharya Rajneesh from the 1960s onwards,
calling himself Bhagwan Shree Rajneesh
and taking the name Osho in 1989

Роллс-ройсы были его мечтой: самый первый ему купили еще в Индии. А потом, в Америке, ученики решили подарить Бхагвану роллсы на каждый день года – как радже из волшебных сказок. 365 роллс-ройсов – от одной цифры захватывало дух. – Материальная нищета не является ценностью духа, – скромно замечал Раджнеш.

В 1981 году он подал петицию на получение американского гражданства как выдающийся религиозный деятель. В качестве дополнительного аргумента проситель ссылался на многочисленные болезни, излечить которые возможно было только в Штатах. Дело рассматривалось год, после чего в прошении было отказано, поскольку, как говорилось в решении, состояние здоровья не могло позволить аппликанту полноценно заниматься своим призванием.

Самые кайфовые роллсы были глубокого розово-золотистого или оранжевого цвета, украшенные серебряными фламинго, причем ни один не повторялся. Фламинговых было штук двенадцать. Другие были раскрашены в радужные психоделические цвета, с фигурками и смешными тюлевыми занавесками с оборочками. Когда коммуны разогнали, ученики выкупили несколько машин. Но основная часть ушла к анонимным шейхам с Ближнего Востока.

И вот он ехал из своего ашрама возле Антилопы, за рулем очередного роллса, с потрясающими часами, украшенными камнями. Котлы бывали не самые дорогие – под миллион всего, или чуть больше, – но сделанные на заказ, как и все его драгоценности. Самые замечательные были с опалами и жемчугами, и с какими-то еще голубыми камнями – они выглядели ошеломляюще. Всякий выезд Раджнеша превращался в неповторимое событие. От него трудно было отвести глаза, как от танцующего пламени.

Вдоль дороги собирались люди – посмотреть на это разноцветное переливающееся чудо. Иногда он останавливался, высовывал в окно руку с часами и махал зрителям, и начинал смеяться. И вся толпа начинала смеяться вместе с ним.

А потом он ехал дальше. В Бенд, за мороженым.

Непредсказуемый и легкомысленный, дурака он валял божественно. Он знал, что выглядит смешно, но его это не огорчало. В нем была обворожительная простота и беззаботность. Так работают карманники высочайшего класса: их движения неуловимы и увлекательны, как колебания воздуха.

А Бенд был тогда большой дырой, центром реднековских развлечений и фермерской жизни. И вот приезжает этот сияющий перец, в невообразимом лимузи-

не с кружевами и золотыми фламинго, в оранжево-розовой рясе и лыжной шапочке, с космическими часами, унизанными камнями. Яркий, как большой и очень жизнерадостный попугай из неведомой страны, и светящийся счастьем.

Сдерживая неуместную торопливость, он подбирается к прилавку и, немного волнуясь, с сильным акцентом старательно произносит:

– Ice-cream soda, please.

Тут было от чего съехать с катушек.

– Звезд на небе много, и Иисус Христос – одна из них, – говорил он. И, хотя ему удалось оскорбить немало религий, – Радженш совершенно не считал себя противником. Вся жизнь его была искрящимся и ускользающим праздником.

– Нашей целью было уничтожение этой коммуны, – сказал потом прокурор. Теперь там, где танцевали саньясины, благонамеренно флиртуют христианские дети из дорогих школ во время каникул.

А ему под конец осталась только осточертевшая Пуна, да нестерпимое чувство поражения, которое сжигало изнутри. Он больше не импровизировал, и глаза его сделались жесткие.

– Самый кайфовый Бхагван был до того как он стал живым богом, – говорили те, кто знал его долго. Он называл себя тогда просто учителем и Америка еще не дразнила его своим бесовским соблазном.

* * *

Вот это в нем было лучшее – что рядом с ним легко. А когда он ушел, этого не стало. И учение опустело. Утратило смысл. Теперь это школа, просто одна из многих. Дал направление, не дал, кого он там куда звал – это все дело десятое. Личность ушла, которая согревала все это своим дыханием. Осталась горсточка слов. Повторяемых тысячу лет, на тысяче языков. Слова никуда не ведут. Это просто следы на песке. Ветер подует – и нет ничего.